

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.А. Денисов

Гуманитарный университет г. Екатеринбурга

Аннотация: *Исследования, проведенные автором, доказывают, что Россия не является демократическим государством. Она имитирует наличие у нее демократии. В статье определяется вид авторитарного режима, к которому относится современная Россия. Автор указывает на социальные, экономические, организационные и духовные факторы, которые обеспечивают авторитарный характер страны.*

Ключевые слова: *политический режим России, авторитаризм, имитация демократии, факторы обеспечивающие авторитаризм.*

Конституция РФ декларирует, что Россия имеет демократический политический режим (ст. 1). Анализ реально действующих в стране норм, касающихся политических прав граждан показывает, что демократическим этот режим назвать нельзя. Основные средства массовой информации превращены в средства массовой пропаганды, объединение граждан допускается лишь в той степени, в какой это не угрожает власти административного класса и Правительства, собраться мирно можно только с разрешения бюрократии, в стране проводятся управляемые выборы, которые не могут привести к потере власти Правительства и его назначенцев. Со всей очевидностью становится ясно, что это режим авторитарный. Сессия Парламентской ассамблеи Совета Европы, состоявшаяся в июне 2005 г. признала, что Россия не является свободной и демократической страной [Асадова 2005: 1, 5].

В последнее время Правительство России стало меньше стесняться, и в открытую заявил, что будет бороться с тем режимом, который на Западе называется демократическим. Он сказал, что борьбу за демократию он расценивает как попытку «раскачать общественно-политическую ситуацию, ослабить Россию, ударить по уязвимым, проблемным местам» [Латухина 2014: 2].

Остается лишь выяснить, к какому из видов авторитарного режима относится политический режим современной России.

Специфика авторитарного режима в России

Ясно, что пока правящая группа не склонна к массовому применению силовых методов управления страной. Для удержания власти в этом пока нет необходимости. Репрессии применяются избирательно, по отношению к активистам оппозиции. Им дают понять, что они могут не поддерживать правящую группу, голосовать против нее, высказывать свои

взгляды в ограниченном масштабе, но не должны переходить определенной черты, не должны приобретать значительной силы, которая вызывает подозрение на способность отнять власть у правящих элит. Переход власти от одного лица к другому (от группы к группе) возможен только в результате внутрибюрократической борьбы за власть. Общество могут привлекать к этому только сами представители административного класса. Требования сместить того или иного чиновника, обычно, вызывает обратную реакцию. Иногда путинский авторитаризм называют умеренно репрессивным, не ярким, «вегетарианским» [Krastev 2011: 7–8]. Сложившийся авторитарный порядок отличается от классического авторитаризма, где оппозиция открыто подавляется, путем запрета всяких объединений, помещения в места лишения свободы или убийства активистов оппозиции, закрытия всех оппозиционных газет, отмены выборов в органы власти. При мягком авторитаризме первейшее значение имеет **мягкая сила** (soft power): манипуляция сознанием населения через монополизированные административным классом средства массовой пропаганды, через убеждение, что власть Правительства людям выгодна, что его партеобразное объединение может работать хотя бы отчасти на пользу людям, что представители оппозиции еще хуже, чем находящиеся у власти лица. Правитель должен постоянно делать «добрые дела» для населения (демонстрировать патернализм) и время от времени карать представителей бюрократии (или хотя бы грозить им карой). Мягкий авторитарный режим предполагает заключение сделок с частью оппозиции, выделение ей какой-то части имеющихся в руках правящей группы благ (например, предоставление части мест в представительных органах власти). На протяжении последних лет несколько должностей глав регионов были предоставлены представителям оппозиции (в Кировской области — представитель «правых» Н. Белых; в Читинской области — «Справедливая Россия»).

При мягких авторитарных режимах, административный класс **не устраняет все демократические права**, а лишь ограничивает их до той степени, когда они не могут привести к смене правящей группы и Правительства. Допускается участие населения в принятии каких-либо решений. Редко когда устраняется право подданных жаловаться начальству на другое начальство. Людям навязывают ощущение сопричастности в принятии решений.

В основном авторитарный режим в России носит **традиционный характер** и основан на традиционалистской политической культуре, свойственной для россиян [Соловьев 2010: 309]. Он привычен для большинства населения, и оно не возражает против отстранения его от управления общественными и государственными делами. Более того, оно само не желает брать на себя ответственность за принятие решений по управлению обществом и государством и с удовольствием передает власть над собой Правителю и его подчиненным.

Важно отметить, что современная элита административного класса не исключает полностью конкуренцию в политической системе. Она систематически проводит выборы (плебисциты) и доказывает значительной части населения, что ее правление является выгодным для него. Она учитывает настроения масс и старается предотвращать конфликты в обществе. Это позволяет определить политический режим России как соревновательный или **электоральный авторитаризм** [Гельман 2012: 94–95]. Такого же мнения придерживается Г. Голосов [Голосов 2008: 22–35]. Он похож на конкурентный (competitive) или электоральный (electoral) авторитаризмом Уго Чавесе в Венесуэле [Carothers 2002: 5–21; Corrales 2011: 122–136; Diamond 2002: 21–35; Electoral 2006; Levitsky 2010]. В. Гельман так описывает режимы этого вида: Здесь выборы имеют значение, в отличие от выборов без выбора в Казахстане и Узбекистане. «Но формальные и неформальные правила таких выборов предполагают высокие входные барьеры для участия в них, заведомо неравный доступ участников кампаний к ресурсам (от финансовых до медийных), систематическое использование государственного аппарата в целях максимизации голосов за правящие партии и кандидатов и злоупотребления в пользу последних на всех стадиях выборов, в том числе при подсчете голосов. Именно заведомо неравные «правила игры», призванные обеспечить победу инкумбен-

тов независимо от предпочтений избирателей, и отличают электоральный авторитаризм от электоральных демократий». «Классический авторитаризм уступает место электоральному прежде всего в силу того, что правящие группы этих режимов нуждаются в проведении выборов как средстве и внутривнутриполитической, и в особенности международной легитимации — в противном случае само функционирование этих режимов может оказаться под угрозой [Гельман 2012: 95].

Выборы при электоральном авторитаризме не могут держаться на одних только прямых фальсификациях их итогов. Правящая группа должна делать перед выборами какие-то подарки населению. Например, перед плебисцитом о доверии Правителю в 2012 г. несколько месяцев не повышали цены на газ и электроэнергию.

«Ни одна страна, где какая-нибудь партия дважды подряд получает 60 % голосов избирателей, не может считаться демократией» — говорит известный политолог А. Пшеворский [Пшеворский 1999: 688].

Использование для поддержания власти административного класса демократических (или псевдодемократически) процедур позволяет называть такого вида политические режимы как в России **гибридными** (hybrid regime) [Case 1996: 437–464; Diamond 2002: 21–35; Karl 1995: 72–86; Levitsky 2002: 51–65; Ngok 2011: 54–55; Ottaway 2003; Zakaria 1997: 22–43].

Следует обратить внимание, что авторитаризм российского вида в значительной степени держится на авторитете В.В. Путина. Б.Н. Ельцину такой режим построить не удалось, хотя в последние годы его правления, кажется, у него возникло это желание. Население готово вручить власть над собой конкретной персоне но не факт, что оно согласится подчиниться преемнику после полного ухода с политической арены В.В. Путина. Исходя из этого, можно согласиться с Л. Гудковым, который определяет политический режим в России как авторитарный персоналистский режим Путина [Гудков 2012: 16]. Политолог А.В. Павроз называет его «лично ориентированным» [Павроз 2007: 63–65].

Если взглянуть на динамику развития России в начале XXI в. то становится очевидным, что **авторитарные черты общества и государства нарастают**. Уже в 2001 г. в резолюции Всероссийского чрезвычайного съезда в защиту прав человека констатировалось, что «на наших глазах идет эрозия демократических основ Конституции, в последние месяцы можно говорить о ползучем конституционном перевороте. Ограничения и нарушения прав и свобод человека и гражданина в самых различных областях формируют отчетливую тенденцию к авторитаризму» [Всероссийский 2001: 7]. В октябре 2006 г. Европарламент принял резолюцию, в которой признал ухудшение ситуации с демократическими правами и свободами в России [Строкань 2006: 2].

Риторика Д.А. Медведева на посту Президента РФ создавала видимость, что к 2008 г. авторитаризм достиг своего наивысшего подъема и далее начнутся уступки гражданскому обществу. Но эти ожидания оказались ошибочными [Денисов 2012: 33–37]. Превращение страны в осажденную крепость в 2014 г. создает условия для нарастания репрессий в отношении всякого инакомыслия.

Норма реального права, фактически действующая в современной России, могла бы быть сформулирована так: «Основным направлением развития политической системы российского общества является дальнейшее свертывание демократии: сокращение участия поданных в управлении делами государства и общества, подавление активности общественных объединений, усиление закрытости государства, рост пренебрежения к общественному мнению». Это общее направление реализуется через сокращения частоты выборов в органы власти (плебисцит в свою поддержку Правитель стал проводить через 6, а не через 4 года, плебисцит в поддержку его номенклатуры на должности депутатов Государственной Думы стал проводиться раз в 5 лет, а не раз в 4 года), усиление контроля за каналами распространения массовой информации, замены независимых общественных объединений клиентистскими и т. д.

Россия, так же как и страны Африки, была захвачена третьей волной демократии в начале 1990-х гг. Процессы, происходящие в ней похожи на те, что имеют место в африканских странах, а в чем-то она даже отстает от них. Ученые, исследующие страны Африки, отмечают, что они идут по пути **чередования мягких и жестких форм авторитаризма** [Современные... 2001: 23]. Такого же чередования двух видов авторитарного режима следует ожидать и в России. Переход к более жесткому авторитарному режиму возможен в случае падения размеров природной ренты, получаемой страной и роста протестных настроений в ней (не обязательно демократического характера). Известный оппозиционер А. Илларионов пишет: «...Я отношу современный режим в России к группе «твердых» (хорошо укрепившихся) авторитарных режимов, скатывающийся к «мягкой» (в какой-то степени начинающейся) диктатуре. Для простых российских граждан это означает наличие некоторого явного уровня личных свобод, но почти полного отсутствия каких-либо существенных политических прав, серьезное сокращение масштаба существующих гражданских свобод и существенного ограничения персональной безопасности. Организованная оппозиция режиму почти отсутствует и у политической оппозиции нет шансов прийти к власти мирным путем. Не только политические активисты, но так же независимые журналисты, адвокаты, и другие, кто могут реально формировать точки зрения для недовольства подвергаются время от времени террору для запугивания их и удержания в страхе» [Илларионов 2009: 71].

Если бы Правительство перестало имитировать конституционализм и принял Основной Закон, закрепляющий реально действующие в стране нормы, то в Преамбуле этого закона можно было бы написать: «Мы будем пресекать все попытки населения и каких-либо групп общества отнять у нас власть законными или незаконными путями. Исходя из этой цели, мы будем смягчать или ужесточать политический режим в стране».

Политику правителя Туниса Бен Али называли «просвещенным авторитарным центральным руководством» [Современные 2001: 62]. Сложившийся в России авторитарный режим не приносил до 2014 г. значительного вреда развитию России. Ее экономика развивалась, благосостояние населения росло. Поэтому российское государство до 2014 г. можно так же назвать **просвещенным авторитарным государством**. Но сейчас этот период жизни закончился. Действия Правительства по поддержанию своего авторитета среди масс очень дорого обходятся экономике страны. Фактически далее она будет не развиваться, а выживать в «героической борьбе» с окружающим миром.

Правитель предоставляет возможность своим наместникам **в регионах поддерживать разную степень авторитарности режима**, связанную с их личным стилем управления. У автора сложилось впечатление, что наиболее авторитарный режим сегодня сложился в Чечне (Р. Кадыров), в Кузбассе при А. Тулееве. Степень авторитарности режима зависит от характера населения, проживающего в том или ином регионе, уровня его урбанизации. В больших городах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург) больше активистов оппозиции, население не столь сильно зависит от бюрократии и более внутренне свободно. Здесь политические свободы менее ограничены, хотя власть прочно удерживается назначенцами Правительства. В регионах со значительным сельским населением или населением, проживающим в небольших городах, более зависимым от бюрократии, политические права менее востребованы и более подавляются бюрократией. В Иркутской области население в 2015 г. отказало в доверии наместнику Правительства и выбрало главой региона коммуниста [Глава 2015].

Имитация демократии в России

Государство старается скрыть авторитарный характер политического режима, принимает меры к **имитации демократии в стране**. Не уничтожены все независимые от государства средства массовой информации, сохраняется лишь незначительно ограниченная свобода пользования Интернетом, есть слабые оппозиционные политические партии, иногда оппози-

ции разрешается проводить массовые мероприятия на улицах и площадях городов, поддерживается видимость альтернативных выборов.

Значительная часть населения России, нуждается в опеке со стороны государства и добровольно поддерживает существующий строй и Правительства. Оно вручает ему и его назначенцам власть над собой, отказываясь от закрепленных в Конституции политических прав. Это позволяет относить политический режим, существующий в России к виду «делегативной» [Donnel 1986] или «плебисцитарной демократией» [Галкин 1998]. Другие дают ему название плебисцитарный авторитаризм [Соловьев 2010: 307].

В отличие от патриархальных режимов, где население вообще не участвует в делах общества и государства, в современной России приветствуется политическая деятельность верноподданных. Ст. 126 Конституции СССР 1936 г. указывала, что население может пользоваться политическими свободами для поддержания политики правящей коммунистической квазипартии (для строительства социализма), но не в ущерб ее власти. По аналогии, в современной России подданные могут использовать все перечисленные в Конституции РФ политические права и свободы, если они направлены на поддержание современной модели административного общества и государства, на укрепление власти Правительства и его назначенцев.

Создание внешней формы, видимости чего-либо — является обычным видом деятельности для любой бюрократии мира. В России даже есть термин, широко известный в мире — «потемкинские деревни». Демократия в России — есть разновидность «потемкинской деревни». О ней так же говорят, как о «виртуальной» или «имитационной» демократии» [Hassner 2008: 9]. Иногда внешний вид осуществляемых политических процедур кажется даже более демократичным, чем в самых демократических странах мира. Например, в России производятся прямые выборы Президента страны, а в США двухступенчатые. В России нет монарха, как в Англии или Швеции.

Эту имитационную демократию можно назвать **«управляемой (направляемой) демократией»**. Доктрина направляемой демократии, которая реализуется в современной России, не нова. Фактически ее использовали большевики, которые говорили о роли партии в развитии демократии в стране. Ее открыто провозглашал правитель Индонезии Сукарно. Он говорил: «Ключевым элементом «направляемой демократии» является руководство. Выслушав все «за» и «против», лидер суммирует их так, чтобы сделать приемлемыми для всех фракций. Ни одна сторона не выигрывает за счет другой. Только сильное руководство может выработать окончательное решение, в противном случае система не работает» [Другов 1997: 86]. В.В. Путин отошел от этой доктрины. Он открыто встал на позиции партеобразного объединения бюрократии и ее клиентелы и отказался от роли человека над схваткой, общенационального лидера. Может быть, назначив Д.А. Медведева на роль руководителя «Единой России» он постарается вернуть себе роль, которую в свое время декларировал Сукарно.

Управляемая демократия сегодня достаточно распространенное явление в странах, заявивших о движении к демократии. Ее, например, находили в арабских странах Северной Африки, где имел место симбиоз авторитаризма в виде режима личной власти и демократических институтов (парламент, многопартийная система) [Африка 2009: 217]. Никто не ожидал, что часть населения этих стран потребует перехода к реальной демократии («арабская весна» 2012 г.).

Политический режим в России так же называют псевдодемократическим [Ситников 2006]. И. Крастев называет режимы, подобные российскому, «мнимыми демократиями». Они умело используют демократические процедуры как средство самосохранения правящей элиты, устанавливая не только монополию на власть, но и монополизировав сам процесс борьбы за неё, лишь имитируют демократию, «действуя вне логики политического представительства» и подавляя «любой след истинного политического плюрализма» [Krastev 2006: 52–54]. А.М. Хазанов называет режимы африканских стран, подобные российскому квазидемократией [Прокопенко 2001: 170].

Значительное число бывших коммунистических государств, так же, как и Россия, создали у себя **режим** «при котором общества, с одной стороны, частично открыты, а с другой стороны, частично закрыты. Страны с таким режимом приняли институциональные формы демократии, включая регулярные выборы, тем не менее, им удается манипулировать политическим процессом и политической свободой в степени, достаточной для того, чтобы их власти ничего не угрожало. Эти страны стараются соблюсти политический баланс, допуская демократию в количестве, необходимом для получения международной легитимности и ослабления местного политического давления, но удерживая при этом рычаги политической власти в объеме, необходимом для поддержания ее неограниченности. Обычно они выделяют определенное пространство для организации и функционирования гражданского общества...» — пишут исследователи. Такой вид режима они называют полуавторитарным [Короторс 2000: 8–9].

Представители правящей группы открыто заявляют, что они против движения России по пути к демократии, существующей в развитых странах мира, против, так называемой западной демократии [Клямкин 2006: 9]. В 2004 г. Ю. Лужков и С. Лавров заявляли о том, что демократии бывают разные и России нужна особая демократия, обеспечивающая безопасность граждан и не похожая на западную [Злотин 2004: 14].

Конституция СССР 1977 г. называла тоталитарный режим социалистической демократией. Конституция Китая 1954 г. называла тоталитаризм «народной демократией» [Конституционное 1999: 607], а Конституция 1982 г. «новой демократией» или «социалистической демократией» [Конституция 1987: 173–174]. Диктаторы стран Африки и Азии называют свои авторитарные режимы африканской или мусульманской демократией. Мусульманские правоведы называют авторитарные режимы Персидского залива вполне соответствующими традиционной демократической культуре этих стран [Александров 2000: 157]. Авторитарный режим в Марокко называли хасанианской демократией [Campbell 2003], по имени короля Хасана. Современную модель авторитарного режима в России предлагают называть «суверенной демократией» [Кузьмин 2006: 1, 3]. Этот термин призван подчеркнуть, что российское руководство отказывается от принятия западных, либерально-демократических ценностей. Идеи естественных прав человека и демократии начали рассматриваться как опасные для суверенитета национального государства [Лапаева 2006: 89].

Социально-экономическая основа авторитаризма

Большая часть населения России относится к категории людей **восточного типа**. Они подчиняются **традиции неучастия в политической** жизни страны, исходят из идеологии **патернализма и вождизма**, в рамках которых политика полностью является прерогативой государственного аппарата, возглавляемого мудрым вождем. Государственный аппарат и вождь выполняют функции отца народа. В России нет господства демократических идей. Доля безусловных сторонников демократии в России по некоторым расчетам в 2010 г. составляла около 20 %» [Рогов 2010: 14]. 60 % населения страны, по некоторым подсчетам, не желают участвовать в политической жизни страны [У населения... 2012: 14] и предпочитает быть подданными, а не гражданами. Население России по своей политической культуре очень похоже на население стран Африки. Там и здесь нет демократических традиций, «отсутствует демократическая ментальность в ее западноевропейском понимании» [Африка 2009: 212].

На Западе политические права были завоеваны в длительной, нередко драматической борьбе. В России они были дарованы государством и потому не ценятся. В условиях государственной раздачи благ, полученных от природной ренты (продажа за рубеж нефти, газа, иных полезных ископаемых), население не испытывает потребности в демократических свободах (за что бороться?). С. Митрохин обращает внимание на то, что Россия страна патерна-

листская. Демократия сама по себе не интересуется население. Поэтому ее надо вводить как нагрузку к социальным и даже социалистическим проектам [Коммерсантъ 2004: 15].

Большинство населения не обладает политической **грамотностью**, впало в **апатию** после цикла политической активности начала 1990-х гг. Люди не могут судить о правильности или неправильности принятия тех или иных государственных решений, не могут сознательно выбирать своих представителей, не могут выделить из своего состава политиков, объединиться в партии и иные союзы.

Большинство населения **отказывается использовать** закрепленные в Конституции РФ права и свободы для участия в управлении государственными и общественными делами (ст. 29–32). Они им не нужны. Люди не умеют ими пользоваться. Они отказываются создавать и поддерживать **оппозицию** Правительству и Президенту и тем самым добровольно лишают себя права выбирать между той или иной политической элитой. Они добровольно выбирают в органы власти людей, которые лишают их возможности использовать закрепленные в Конституции права и свободы. Сегодня в Государственной Думе нет ни одной демократической фракции. Там есть только представители жесткого авторитарного порядка, представленные коммунистами и умеренного авторитарного порядка из действующей бюрократии.

Население отказывается использовать демократические права для контроля за бюрократией. Оно полностью доверяет Правителю, вручает ему власть над собой.

В последние годы государство приняло меры для устранения социально-экономической основы политического плюрализма. В стране сформировался **класс собственников** (бюрократическая или номенклатурная буржуазия) тесно связанный с представителями власти. Управленцы, составляющие государственный аппарат, в нарушение ст. 8, 34, 35 и 36 Конституции РФ создают режим наибольшего благоприятствования для отдельных, опекаемых ими предпринимателей. Последние всячески поддерживают своих опекунов. У **оппозиционного движения в стране нет финансово-экономической опоры**. На примере дела ЮКОСА государство наглядно показало, что будет с теми предпринимателями, которые будут поддерживать политическую оппозицию в стране. Возросшая степень прозрачности финансирования политических партий позволяет государству выявлять всех предпринимателей, оказывающих финансовую поддержку оппозиционному движению.

В развитых странах мира опорой демократических конституций является **средний класса**, состоящий в большинстве своем из предпринимателей. Российское государство поставило надежные административные барьеры на пути быстрого развития этого класса.

Естественным противником демократии, провозглашенной в нормах Конституции РФ, является **слой обособленных от общества управленцев**, составляющих государственный аппарат. Демократия превращает управленцев из правящего класса в слуг общества. Терять свое господствующее положение и связанные с этим привилегии никто не хочет. Явно обозначившейся тенденцией последних четырех лет является **рост сплочения** управленцев, которые в 1990-е гг. постоянно конфликтовали между собой. Фактически, конфликт внутри управленческого слоя и привел к падению советской тоталитарной системы. Управленцы усвоили урок и сделали выводы из случившегося. Они осознали необходимость сплочения вокруг главы государства, создали свое единое партеобразное объединение, восстановили корпоративный дух солидарности.

Практика многих стран, перешедших к демократии, показывает, что инициатива движения к демократии исходит не от большинства, а **от элит** (независимая от бюрократии буржуазия, интеллигенция), которые пытаются реализовать свои групповые интересы через опору на население. Постепенно население втягивается в политическую жизнь элитами и превращается в народ, способный сознательно отстаивать свои интересы, используя конституционные нормы. В России такие элиты только зарождаются и не имеют реальной социальной силы.

История показывает, что демократические режимы возникают в **буржуазном** обществе, там, где общественные блага принадлежат широким слоям общества, действуют рыночные отношения конкуренции. Конкуренция в экономической области между группами буржуазии переносится в политическую область, порождая многопартийность и свободные выборы. Разные группы буржуазии вынуждены разрешать свои противоречия через представительный орган. В России нет капитализма с его конкуренцией. Основные блага страна получает не за счет производства, а за счет получения природной ренты от продажи полезных ископаемых за рубеж. Присвоение большей части этой ренты государством (его бюрократией) обеспечивает экономическое господство административного класса, которое перерастает в политическое господство [Денисов 2017: 60–107]. Буржуазия и большая часть населения зависят от подачек бюрократии. Такому населению не нужна демократия. Ему нужен добрый и заботливый хозяин, власть которого оно поддерживает. Вследствие сказанного, авторитарные порядки в стране вводятся без насилия, без сопротивления. Авторитаризм органично присущ российскому обществу.

Поскольку большинство россиян не образует такого субъекта права, как народ [Денисов 2017: 13–16], остается массой (охлосом), то в современной России **невозможна демократия**. Ослабление государственной бюрократии может привести только к появлению в России охлократии, как в 1990-е гг. Очевидно, что демократия не вводится статьей конституции. Движение к ней представляет собой длительный путь, связанный с постепенным возникновением предпосылок для нее.

Политико-организационная и духовная основа для авторитаризма

В России нет сильного гражданского общества, способного создать объединения, защищающие интересы разных групп общества. У нас нет сильной политической **оппозиции**, которая могла бы обеспечить конкурентную среду на политическом поле. Большая часть оппозиции относится не к демократическому движению, а к сторонникам построения в России иной модели авторитарного режима или просто замены одних лиц в органах власти на других. В Государственной Думе нет ни одного представителя демократических сил.

В противоположность демократическому движению, административный класс консолидировался в свое партеобразное объединение с помощью которого навязывает обществу этатистскую идеологию, легко побеждает на выборах в органы власти.

Государство взяло под свой контроль большую часть средств массовой информации и превратило их в средства массовой пропаганды. Редакциям и журналистам этих сервильных организаций не нужна свобода слова и демократия. За определенное вознаграждение они готовы использовать свой талант для обмана населения.

Государство (его органы власти и должностные лица) вместо того, чтобы защищать политические права человека, успешно нейтрализует их. На «Всероссийском чрезвычайном съезде в защиту прав человека» в 2001 г. отмечалось, что главным источником угрозы демократическим основам конституционного строя в нашей стране, правам и свободам человека выступает федеральная власть. «Она проявляет открытую враждебность к гражданскому обществу и стремится уничтожить его ростки» [Всероссийский 2001: 4]. Бюрократическое по своей сущности государство не может поддерживать демократические свободы в обществе. Защита демократии таким государством была бы противоестественна.

Правоохранительные органы и суд превращены в органы репрессий против оппозиции, пытающейся воспользоваться конституционными правами и свободами.

В стране с монархической формой правления не может быть демократии. Законодательные органы служат средством формализации норм, исходящих от Правительства, нейтрализующих конституционные права и свободы граждан.

Степень допущения политических свобод в стране зависит от личных свойств Правителя. Бывший полковник КГБ не может быть сторонником демократии. Сегодня в Европе, при обвинении какого-либо политика в авторитарных замашках, говорят, что он действует как Путин [Michnik 2007].

В России почти исчезла публичная политика [Никовская 2006: 27]. Большая часть вопросов, в том числе о распределении власти, решается бюрократией в тиши кабинетов. Социальный слой политиков почти исчез. Политические должности занимают чиновники, назначенные сверху.

Рост объемов природной ренты в нулевые годы привел к тому, что Россия перестала нуждаться в экономической помощи, которую она получала ранее с нагрузкой распространения демократических ценностей. Сегодня экспортировать в нее демократию из-за рубежа уже чрезвычайно затруднительно. Большинство международных организаций поддерживающих в мире строительство гражданского общества, защиту прав и свобод свернули свою деятельность в России, видимо посчитав, что «горбатого только могила исправит». В условиях начавшейся Холодной войны всякие идеи, исходящие от стран демократического мира будут восприниматься в России, как враждебные.

Итак, ст. 1 Конституции РФ, декларирующая демократию в России, не действует. Реально действующая норма, может быть сформулирована так: «Россия является авторитарным государством, имитирующим демократию. Подданные могут использовать все политические права и свободы, если они направлены на поддержание административного характера общества и государства, на укрепление власти Правителя и его назначенцев».

Александров И.А. 2000. *Монархии Персидского залива. Этап модернизации.* — М.: Изд-во: Дело и сервис.

Асадова Н. 2005. С Россией расправились. — *Коммерсантъ.* — 23 июня.

Африка... 2009. *Африка: проблемы становления гражданского общества.* — М.: Институт Африки РАН.

Всероссийский чрезвычайный съезд... 2001. Всероссийский чрезвычайный съезд в защиту прав человека, 20–21 января 2001 года. — *Правозащитник.* — № 1.

Галкин А., Красин Ю. 1998. *Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития.* — М.: Весь мир.

Гельман В. 2012. Трещины в стене. — *Pro et contra.* — № 1–2.

Глава ФОРГО... 2015. *Глава ФОРГО: выборы главы Иркутской области подтвердили курс на реальную конкуренцию.* — Доступно: <http://pravdoryb.info/glava-forgo-vybory-glavy-irkutskoy-oblasti-podtverdili-kurs-na-realnuyu-konkurenciyu-69586.html>. — Проверено: 15.11.2015.

Голосов Г. 2008. Электоральный авторитаризм в России. — *Pro et contra.* — № 12.

Гудков Л. 2012. Социальный капитал и идеологические ориентации. — *Pro et Contra.* — № 3.

Денисов С.А. 2012. Конец этапа контрреформ в государственном праве России? — *Конституционное и муниципальное право.* — № 5.

Денисов С.А. *Реальное государственное право современной России. Т. 2.* — Екатеринбург: Гуманитарный университет.

Другов А.Ю. 1997. *Индонезия: политическая культура и политический режим.* — М.: Институт Востоковедения.

Злотин Л. 2004. Закон Лужкова — Лаврова. — *Компания.* — № 36.

Каротерс Т. 2000. Помощь Западу становлению гражданского общества в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе. — *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение*. — № 1.

Клямкин И., Кутковец Т. 2006. Как нас учат любить Родину. — *Новая газета*. — 20 июля – 23 июля.

Коммерсантъ-Власть. — 2004. — № 3.

Конституционное право... 1999. *Конституционное право зарубежных стран. Учебник для вузов*. — М.: Издательская группа НОРМА-ИНФР-М.

Конституция социалистических государств. Сб. в 2 т. Т. 1. 1987. — М.: Юридическая литература.

Кузьмин В. 2006. Владислав Сурков: Мы строим суверенную демократию. — *Российская газета*. — 29 июня.

Лапаева В.В. 2006. К дискуссии о концепциях российской демократии. — *Российское правосудие*. — № 4.

Латухина К. 2014. Ключ к пониманию России. — *Российская газета*. — 23 июля.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. 2006. Публичная политика в России: состояние, проблемы и альтернативы развития. — *Публичная политика в современной России. Субъекты и институты*. — М.: ТЕИС.

Павроз А.В. 2007. Партия власти в России: история и современность. — *Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН)*. — № 2 (4). — СПб.

Прокопенко Л.Я. 2001. Политическая модернизация в Африке: некоторые итоги и оценки. — *Восток*. — № 4.

Пшеворский А. 1999. Переходы к демократии. — *Политология: хрестоматия*. — М.: Гардарики.

Рогов К. 2010. Гипотеза третьего цикла. — *Pro et Contra*. — № 4–5.

Ситников А. 2006. В ряду режимных демократий. — *Коммерсантъ*. — 31 января.

Современные африканские лидеры: Политические. Портреты. 2001. — М.: XXI век-согласие.

Соловьев А.И. 2010. *Политология. Политическая теория. Политические технологии*. — М.: Аспект-Пресс.

Строкань С. 2006. Пересмотр ради партнерства. — *Коммерсантъ*. — 26 октября.

«У населения есть запрос на настоящую партию». 2012. — *Коммерсантъ-Власть*. — № 18.

Campbell P.J. 2003. Morocco: Overcoming the Democratic and Human Rights Legacy of King Hassan II — *African Studies Quarterly*. — Vol. 7. — Iss. 1.

Carothers T. 2002. The End of the Transition Paradigm. — *Journal of Democracy*. — Vol. 13 (January).

Case W.F. 1996. Can the 'Halfway House' Stand? Semidemocracy and Elite Theory in Three Southeast Asian Countries. — *Comparative Politics*. — Vol. 28 (July).

Corrales J. 2011. A Setback for Chavez. — *Journal of Democracy*. — Vol. 22. — Iss. 1. January.

Diamond L. 2002. Thinking About Hybrid Regimes. — *Journal of Democracy*. — Vol. 13 (April).

Donnel G., Schmitter P. 1986. *Transition from Authoritarian rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. — Baltimore and London.

Electoral Authoritarianism... 2006. *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. — Boulder, Colo.: Lynne Rienner.

Illarionov A. 2009. The Siloviki in charge. — *Journal of Democracy*. — Vol. 20. — Iss. 2 April.

- Hassner P. 2008. Russia's Transition to Autocracy. — *Journal of Democracy*. — Vol. 19. — Iss. 2 April.
- Karl T.L. 1995. The Hybrid Regimes of Central America. — *Journal of Democracy*. — Vol. 6 (July).
- Krastev I. 2006. Democracy's «Doubles». — *Journal of Democracy*. — Vol. 17. — № 2.
- Krastev I. 2011. Paradoxes of the new authoritarianism. — *Journal of Democracy*. — Vol. 22. — Iss. 2. April.
- Levitsky S., Way L.A. 2010. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*. — New York: Cambridge University Press.
- Levitsky S., Way L.A. 2002. The Rise of Competitive Authoritarianism. — *Journal of Democracy*. — Vol. 13 (April).
- Michnik A. 2007. The Polish Witch-Hunt. — *New York Review of Books*. — 28 June.
- Ngok Ma. 2011. Hong Kong's democrats divide. — *Journal of Democracy*. — Vol. 22. — Iss. 1. January.
- Ottaway M. 2003. *Democracy Challenged: The Rise of Semi-Authoritarianism*. — Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.
- Zakaria F. 1997. The Rise of Illiberal Democracy. — *Foreign Affairs*. — Vol. 76 (November–December).